

**Размышления на книгу
Деяний Святых Апостолов.
Спутники Дамасской Дороги**

О незаметных деятелях Апостольского времени.

Архиепископ Иоанн (Шаховской, 1902-1989)

Содержание:

Заметки на Деяния.

Начало распространения Христианства, главы 1-8.

Достопочтенный Феофил (гл. 1). Размышления. Насмехающиеся (2:13). Хромой от чрева матери (гл. 3). Ученики Учеников. Юноши, Хоронившие Ананию (5:6-10). Служители Темницы (5:22-27).

Апостол Павел, Первые христиане из язычников, главы 9-12.

Спутники Дамасской Дороги (9 гл.). Спускавшие Апостола в корзине (9:25). Эней (9 гл.). Служанка именем Рода (12:13-15). Казненные воины темницы (12:18-24). Власт, постельник Ирода (12:19-22).

Путешествия апостола Павла, главы 13-20.

Манаил (гл. 13). “Набожные и почетные женщины.” “Муж, не Владевший ногами,” в Листре (14:8-10). Народ в Листре (14:8-18). “Некоторые Иудеи из Антиохии и Иконии” (14:19-20). Лидия из Фиатир (16:14-15, 40). Одержимая служанка (16:16-23). Темничный страж (16:22-34). Городские служители (16:38). Иасон (17:5). “Городские начальники” (17:6-9). Верийские Благомысленные (17:10). Встречавшие (17:17). Аполлос, Акила и Прискилла (18:24-28). Некоторые ученики (18:18). Иуст, Крисп и другие (18:7-11). Софен (18:17). Власть учеников (19:30). Блюститель порядка (19:35-40). Тиранн (19:9-10). Сыновья Скевы (19:11-20). Юноша Евтих. Свидетельство Духа (20:23). Спор с Духом (гл. 21).

Арест апостола Павла, суд и путешествие в Рим, главы 21-28.

Мнасон Киприянин (21:16). Послушание Пресвитерам (21:17-28). Тысячачальник Клавдий Лисий (21:31). Пыль в воздухе (гл. 22). Суды человеческие (22:30). Первосвященник Анания (23:2-10). Распря между врагами истины (23:6-10). Неблагодатные постники (23:13). Сын Сестры (23:17-18). Правитель Феликс (23:33-35, 24:22-26). Ритор Тертул. Царь Агриппа (гл. 26). Сотник Августова полка, Юлий (гл. 27). Жители острова (гл. 28). Публий (28:7-10). ПUTEОЛСКИЕ БРАТЯ (28:13-14). Стерегающий воин (28:16, 31-32).

Заметки на Деяния.

Человечество знает великих своих деятелей и помнит больших преступников своей истории. Жизнь тех и других одинаково бывает поучением и указанием.

Драгоценный материал духовного ведения, для всех людей и народов, представляет собою повесть Деяний Апостольских, и, в этой повести, весть о людях незаметных, ничем не выдвинувшихся, но живших рядом с апостолами. В этом вся их особенность и значительность: они жили около апостолов. Они шли с ними по Дамасской и другим дорогам. Мы называем их общим именем “Спутники Дамасской дороги.” Образы этих сотрудников и свидетелей 1-го века христианства, учеников Истины, вырастают в глубоко значительные и несомненно данные нам для духовного умудрения.

Начало распространения Христианства, главы 1-8.

Достопочтенный Феофил (гл. 1).

Ничего не знать о человеке, кроме только того, что для него было написано одно из Евангелий — (от Луки) — и история всего первохристианства, (Деяния Апостолов), — это уже бесконечно много знать о нем... По всей вероятности, он был христианином из язычников, скорее всего римлянином. Характер Евангелия от Луки указывает на это. Вероятно он был из обращенных ап. Павлом. Но не в этом дело. Душа Феофила осталась нам лишь в его имени Феофил: “любящий Бога.” Как новый Авраам, он был, конечно, другом Божьим, и влекся к Богу Истинному. Его жажда истины вызвала две всемирных волны апостольского благовествования: Евангелие от Луки и Деяние. Нет нужды рассуждать о том, были бы или не были бы написаны эти книги без Феофила, и именно этого Феофила, желавшего знать о Иисусе. Важно одно; Промысл Божий, в заботе о спасении всего человечества, прошел чрез жизнь и человеческое желание этого Феофила; обильно благословил его стремление к Истине. Благословляется Богом желание человека знать Истину. Промысл ищет соратников, — не апостолов только, но и феофилов, без которых не было бы и апостолов. Феофилы ищут истину; вот их дело жизни. Они хотят поучаться и вызывают в мир апостолов. Сеятель не нужен, где нет земли. Феофил стал землею, принесшей урожай не сам-сто, а сам-миллиарды. Как прошла земная жизнь этого Феофила, мы не знаем. От нас это скрыто, и, может быть, для того, чтобы мы яснее увидели, что главным делом его человеческой жизни было стремление к Истине. “Блаженны алчущие и жаждущие правды.” Нам открыто это блаженство Феофила и все плоды этого блаженства.

Слово апостолов, есть и дело их; дело безмерное. И “равноапостольным” можно уже назвать всякое искреннее внимание апостолам... К этому делу, приносящему плоды благословения, призываются все феофилы человечества. Чрез искание правды хотя бы одного человека, Благодать и Истина изливаются на всех людей.

Человеческое малое претворяется в Божие великое. Это происходит все время в мире и этим спасается мир. “Намерения сердца” человеческого любятся и из них творится сокровище. Из малых чувств нашего сердца, творит Господь ценности настоящего и будущего века. Истина возлюбяет и самую малость истины в людях.

Алчет Промысл использовать и малейшее вздыхание людей к Свету... Вода добрых и бескорыстных желаний человеческих претворяется в вино Благодати. Мы не знаем всех следствий наших исканий истины. Думал ли скромный Феофил, что его простой вопрос, обращенный к знакомому врачу Луке, был вопросом всего человечества, на который так хотел ответить человечеству Сам Бог?! Феофил не мог предвидеть ту волну благодати, которая сойдет в мир, чрез его простое человеческое искание истины.

Если “меньший,” в Царствии Божьем, больше самого великого в царстве сего мира, то и самое малое действие Божье в мире, гораздо значительнее самого великого дела человеческого... И самый безгласный, только вопрошающий о Тайнах Духа, деятель Нового Завета, больше самых громких деятелей мира.

Размышления.¹

1. Малость, незначительность исторической личности Феофила. Великость Божьего дела совершенного в мире чрез него.

2. Безграничная ответственность всякого, даже совсем малого, поступка, слова и желания человеческого.

3. Многозначительность последствий всего, к исканию Божьей Истины направленного.

4. Немошь человеческая, как орудие силы Божьей.

5. Господу Богу, Христу, подобает “расти,” Промыслу Его — расширяться и в нашем сознании. “Да святится Имя Твое” ... Человеческим добрым делам (только, как предтечам Божьих дел) подобает умяляться, в глазах людей. А Божьему действию в людях — возвышаться.

6. Слава творения: любить Бога — во всем и всегда — гораздо более, чем себя.

Насмехающиеся (2:13).

Одни люди “изумлялись” (2:7), а другие “насмехаясь говорили” (2:3)... Это так обычно... Насмешка может быть добродушной, а может быть язвительной, уничтожающей: “Они напились сладкого вина,” было сказано про апостолов, напоенных высшей радостью Духа, вдохновенных на проповедь вечной жизни всему миру. По наружности, могло действительно казаться нечто подобное опьянению. Плотской взгляд не отличает проявлений низших человеческих эмоций от действий Духа Божия. Естественно было тогда “насмехаться” над апостолами. Это сделало бы, вероятно, девяносто девять процентов человечества, присутствуя при излиянии Св. Духа. Обычное не тревожит, дает человечеству спать. Необычность же сознается опасной для мира, и от нее люди загораживаются насмешкой...

Обращать все в пустяк, — один из приемов людей этого мира.

К профанации жизни дорога идет часто чрез смешное; “смешное убивает.” А слезы утончают, оживляют дух человеческий, притупляемый смехом. Оттого — “горе смеющимся ныне,” и “блаженны плачущие.”

Человечество, опьяняющееся телесно, становится неспособно понять истинное опьянение духа — радостью Нового Мира; принять неумопостижимое, трудно вмещаемое в человека блаженство Истины.

¹ Подобные, соответственные каждой следующей главе, и каждому ее образу, размышления могут развиваться у самого читателя.

Хромой от чрева матери (гл. 3).

Человека “носили и сажали в храмы” ... И чрез телесный недостаток, и чрез ношение его другими, и чрез непрестанные его просьбы милостыни, он должен был стать кротким. Стих 8 показывает его смиренную веру и преданность Богу. 11 стих открывает и его благодарную привязанность к носившим его людям. Это душа готовая к христианству и к тому, чтобы послужить своей болезнью славе Божьей, — и, вслед за многими другими искупленными, открыть миру смысл всякой человеческой немощи и болезни на земле. “Не к смерти” должна вести человеческая болезнь, не к отпадению от Бога в лагерь ропота, но “к славе Божьей,” к углублению веры.

Хромого, исцеленного в Иерусалиме апостолами Петром и Иоанном, можно справедливо назвать соратником апостолов в деле первого их благовестил. Он получил равноапостольную задачу в мире в одной своей болезни. Сперва он должен был вызывать, в отношении себя, милосердие человеческое; потом воззвав к сердцам любовь евангельскую, стать свидетелем силы Христовой в мире. И то, и другое уготовляло путь ко Христу Господу человеческих сердец, как и путь Самого Господа к этим сердцам.

Всякий больной или немощный, живущий только помощью других, существующий только любовью близких, совершает уже этим одним дело рождения любви в мире. Не только помогать людям — дело святое, но и принимать помощь от людей, что иногда труднее. Хотя, по слову апостольскому, “блаженнее давать нежели принимать?”, но и принимать — блаженно, при истинной нужде. Есть время сеяния и время жатвы; время выдыхания и время вдыхания живительного воздуха жизни, со всеми ее ценностями и благами... Чрез все входит в мир Божья любовь.

Дух Божий послал апостолам хромого. Хромому Дух послал апостолов.

Ученики Учеников.

Из отозвавшихся на проповедь Господа и его апостолов составила апостольская община первых христиан. “У множества уверовавших” было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее” (гл. IV, ст. 32). Ни имен, ни характеров этих “многих уверовавших” мы не знаем. Но эти первые полски новой, доброй земли мира, на которых выросла пшеница Божьей правды, питают не только отдельные души человеческие, но и целые общества, народы и самую Церковь, которая все время в истории хочет себя устроить наподобие “первых христиан,” то есть людей, охваченных истинной любовью ко Христу, — не “между прочими делами” мира, но всецело и над всеми делами. Христианина истинного характеризует эта именно всецелость, неполювинчатость следования за Христом. И всякое уклонение в мире от Христа есть в сущности только уклонение от всецелостной отдачи себя Ему.

Апостол, возвещая Христа Господа, проповедовал и всецелое ученичество. Мера христианства есть безмерность устремления ко Христу, — отдача Ему всего своего не только телесного, но и душевного и духовного “имущества” ... Лишь на этих путях встречает людей подлинное, положительное единомыслие и единокордие и осуществляется в людях то единство, которое было как раз у первых учеников Слова, и у их учеников; — единство не условное, не по стихиям мира сего или при содействии их, как в наше время совершаемое, но чудным изливанием небесной жизни в сердца. Надо иметь детское сердце, чтобы поверить во все слова Христовы (до безмерности поверить). Всякая недобрая “взрослость” выражается в трещинках скепсиса, ложного многознайства, мнимого плот-

ского “опыта жизни” ... Мир не узнал бы христианства и не полюбил бы его, если бы рядом с апостолами не стояли эти “светы вторые,” ученики учеников, — безвестные и столь же пламенные, как апостолы; “первые христиане;” они и сейчас живут в мире... “Если бы их не было, — сказал один православный епископ, — солнце потухло бы; ибо для чего оно стало бы светить?”

...”И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды во имя ученика, истинно говорю вам не потеряет награды своей” (Мф. X:42).

Юноши, Хоронившие Ананию (5:6-10).

Погребение мертвых было поручаемо юношам. Как быстро, с какой готовностью они исполнили свое дело. В отличие от языческого отношения к погребению, где оно считалось чуть ли не самым главным делом в жизни человека, христиане поручают предание земле останков человека юношам. И мы видим, с какой простотой и легкостью свершается это погребение. “И встав юноши приготовили его к погребению, и, вынеся, похоронили.” Еще одна черта детской, Богу преданной простоты первых христиан. Никаких условностей, никакой искусственности, усложненности жизни...

В этой простоте легче идти к Богу и любить Его и всё предавать Ему, до последней йоты.

Служители Темницы (5:22-27).

Слуги этой “области темной” правдиво свидетельствуют о совершенном освобождении апостолов из Иерусалимской темницы (ст. 23). “Первосвященники, начальник, стражи и прочие первосвященники” поставлены в тупик. “Недоумевают, что бы это значило” (ст. 24). Дело тьмы есть закрывание глаз души. Зло действует во тьме — в неведении того, что делает, и что заставляет делать людей.

Любящим Бога всё содействует ко благу. А глядя на дерзости демонов, удивляешься великому их бессмыслию, и всех вольных и невольных проводников их зла. Не каждый ли грешник нераскаявшийся подобен темничному слуге? В нем есть и слепое подчинение начальнику темницы” (диаволу) и человекоугодие, человекобоязнь (стих 26) столь решительно противоположная апостольской свободе духа (стих 29). Тюремщики заперты в своем неведении, в своей тьме. А содержимые в тюрьме могут быть свободны.

Апостол Павел,

Первые христиане из язычников, главы 9-12.

Спутники Дамасской Дороги (9 гл.).

Дамасского путника мы знаем, это Савл, будущий просветитель мира. Но кто его спутники? Имена их нам не открыты. Это несомненно иудеи, подобные Савлу, ненавидящие Имя Иисусово. Но что с ними случилось после обращения их начальника, Савла? Когда происходило это посещение Савла Спасителем, на пути в Дамаск, люди “шедшие с ним стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя” (9:7). А после, когда Савл “встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел,” они “повели его за руку и привели в Дамаск.”

Душевно-слепой, но физически зрячий, он вышел на дамасскую дорогу, а пришел в Дамаск духовно-зрячим, но телесно-слепым. Полпути он вел духовных слепцов, а другую половину пути духовные слепцы вели его, слепого только физически... Полное исцеление должно было свершиться только в Дамаске. Что случилось с его спутниками? Они все же слышали голос с неба. Но голос был обращен не к ним, и оттого они не могли его понять, не могли услышать его своим сознанием. В другом месте Св. Писания сам апостол, рассказывая о себе и о своем пути в Дамаск говорит, что его спутники ничего не слышали, а только свет видели, отблеск сияния образа Христова, без видения самого образа, подобно слышанию некоего неуразумеваемого голоса, ничего не доносящего до сознания... Спутники Савловы нечто видели и нечто слышали, но, в сущности, никого не видели и никого не слышали, и все это было их состояние оцепенения. “Люди, шедшие с ним, стояли в оцепенении.” Некоторые из них, может быть, более восприняли свет; другие — некий звук, похожий на голос...

Несомненно, что эти спутники Савловы были тоже, по своей мере, призваны Спасителем. Но не явно, а прикровенно. Некие крохи упали и для них с Небесного Стола, который так совершенно наплатил апостола народов — на всю жизнь. Для них, с этого стола упали крохи, — отблеск света и таинственный непонятный звук голоса.

В сущности, для многих душ в мире, и все Священное Писание представляет собою не хлеб, вернее является им не как целый хлеб жизни, а лишь некими крохами; является еще не жизнью, не полнотою образа Истины — Христа, а лишь неясным светом и неясным голосом правды. Не лично обращенным к человеку голосом, а лишь невнятно звучащим где-то около звуком и Светом, не проникающим в последнюю глубину сердца... На дамасской дороге пророчески преобразовалось явление любви Христовой в мире. Для одних — в ясном голосе и сиянии, — для других (многих), — как нечто неясное и постороннее, хотя и таинственно “сияющее.”

Дорога в Дамаск: путь земной жизни человеческой. На нем является Истина. Но не каждый, идущий этим путем, встречается с истиной “лицом к лицу.” Для некоторых — лишь неясный звук, отраженный свет. Но и неясным звуком, и отраженным светом Истины приводит Господь человека в Дом Свой.

Спускавшие Апостола в корзине (9:25).

Те, что спускали апостола в корзине с городской стены, были великими деятелями Промысла Божьего, почти спасителями Христовыми... Удивительны эти дамасские первохристиане. Какая трезвость духа! При явлении такой силы Божьей и такой любви Божьей, которую они увидели, легко было искушить Господа, — пойти, надеясь на Него, теми воротами, где “стерегли Павла день и ночь” и намеревались убить его. Пойти “на вызов.” Легко было выбрать путь этой поверхностной, и в сущности гордой, себялюбивой героичности. Ни новый христианин апостол, ни христиане Дамаска не пошли на это. Они выбрали простой и человеческий путь, продиктованный самыми естественными соображениями. Здесь выявилась подлинная духовность первохристиан Дамаска.

На чудесное не покусились они самовольно, хотя окружены были этим чудесным со всех сторон. Они почтили естественное, человеческое: корзину, веревку... Ложная, выдуманная людьми религия никогда не потерпела бы такого факта. У Божьего апостола путь идет чрез “унизительное” бегство в корзине ночью, с помощью первохристиан. Какая правдивость жизни и простота духа. Именно такие **немечтательные** люди были нужны Промыслу в его великом деле озарения и спасения мира неотмирной правдой.

Эней (9 гл.).

Этого Энея мир знает меньше, чем Виргильевского. Тот ходил по миру и совершал разные дела человеческой доблести, а этот, “восемь уже лет лежал в постели в расслаблении” (9:33). Тот, путешествующий, ни одного человека не сделал лучше, а этот, расслабленный, обратил ко Господу живущих в Лидде и в Сароне. И без подвигов он это совершил, а только тем, что принял в себя силу Божию и исцелился ею.

Болезнь Энея (как и болезнь многих людей в мире) была “не к смерти, а к славе Божьей.” Этот молчаливейший деятель Промысла Божия после испытания был исцелен Господом чрез Петра. “Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей; и он тотчас встал” (ст. 34). Никакого даже вопроса не было ему, что его **исцеляет** Христос. И со словом (как и в творении мира) явилось дело. Эней, 8 лет лежавший, встал. Увидели его все в Сароне и Лидде и обратились ко Господу.

Сам Господь, апостол Петр и Эней, три действующих в мире силы.

Простой безвестный человек Эней, молчаливо, одной своею жизнью, благовествует силу Божью.

Простая, послушная, кроткая душа — Эней.

Служанка именем Рода (12:13-15).

“Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога” (Лук. 12:6).

И Рода не забыта в Слове Божьем. Она не обратила никаких городов к Богу, она ничего не сделала для Церкви Христовой. Она только была служанка. Скромной служанкой у бедных людей.

“Когда же Петр, ангелом освобожденный из тюрьмы, постучал у ворот, то вышла служанка, именем Рода.” Слышит: стучит Петр! Как близко ей было все свершающееся в апостольской общине. “От радости,” она не отворила ворот Петру, а — не вошла, но вбежала в комнату, где происходило собрание учеников, где “многие собрались и молились.”

С бьющимся сердцем, она объявила, что Петр стоит у ворот. “Апостолы сказали ей: в своем ли ты уме”?.. “Но она утверждала свое.”

Удивительный аргумент был здесь высказан собравшимися. Во-первых, стоит заметить, что никто не сказал, что она говорит неправду, или то, что она шутит. Ни неправды, ни шутки не могло выйти из уст христианки Роды. И вот аргумент: “Они же говорили: это ангел Его” ... Апостолы здесь высказывают учение о том, что ангел наш хранитель бывает похож на нас (может быть мы на него?).

Пока они так рассуждали и рядили, Петр, уставший после тюрьмы, стоял у внешних дверей и все стучал... Необычайно человеческая картина: “между тем Петр продолжал стучать.” Не могли не отворить. Отворили и — изумились. Это был Петр.

О служанке Роды больше мы ничего не слышим, но уже знаем, что дух ее горячий, живой, чистый, радостный, общительный, принадлежит семье апостолов, столь дорогой для нас.

Казненные воины темницы (12:18-24).

Воины темницы, стерегшие ап. Петра, освобожденного ангелом, носят в себе образ людей, идущих вне Благодати. Они оказываются раздавленными безблагодатной необходимостью вещей. Над не защитившими себя молитвой людьми злой дух властвует чрез

естественный ход земных причин и следствий. Ирод велел казнить воинов, совершенно, конечно, не виновных в том, в чем он их обвинил. Приказ Ирода показывает, как ошибочно естественное рассуждение людей, не учитывающее действия Благодати Божьей и ее сил. Люди, не чувствующие Хозяина мира и Его открывающей себя святой воли, люди “эмпирические” неизбежно, всегда и очень сильно ошибаются. Ирод — яркий пример такого именно человека. Судя немилосердно других, он не учитывает действия Божьего в мире и сам подвергается немилосердному суду и осуждению; он казнен (как и многие) беспокоряющей, скоростижной смертью. “Вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу,” “и он, будучи изъеден червями, умер.” Медицина эмпирическая нашла бы свое наименование для смерти Ирода, но Слово Божие проходит за оболочку вещей этого мира и обнажает корни бытия.

Правитель, уничтожающий воинов, по существу невинных, и в деле, за которое они казняются, в силу как бы государственной необходимости, исполняет Слово Христово: “Взявший меч от меча погибнет.” Страшная, но правдивая картина жизни в “мире сем” раскрывается в трагедии людей, подчиненных только “естественному” ходу вещей. Человек создан Богом, и если он живет вне Бога, то осуществляет величайшее бессмыслие, жертвою которого — рано или поздно — всегда становится.

Несомненно, что и в отношении воинов и даже самого Ирода, Промысл Божий был верен Себе, то есть своей заботе о людях, до конца. Близость апостола Петра и чудесное избавление его из тюрьмы были зовом, может быть, даже не столько для (верующих уже) апостолов, сколько именно для неверующего Ирода и его воинов. Если бы они, даже оставаясь в своей земной, государственной сфере, исследовали дело освобождения апостола Петра из тюрьмы, без торопливости, с внимательностью и беспристрастием, они должны были бы уверовать в небесный мир и его силу, превышающую рамки эмпирических законов, осознанных человеком и не вмещающих в себе, конечно, океана вечной и абсолютной истины. “Слово же Божие распространялось (ст. 24)... Вода Истины и Жизни, обтекающая твердые, “собою заполненные” предметы, наполняла все, готовое вместить ее.

Власт, постельник Ирода (12:19-22).

Этот наиболее приближенный к Ироду человек был склонен (очевидно, подарками, взятками) к содействию жителям Тира и Сидона, искавшим мира с Иродом. Небольшое политическое событие Малой Азии, мало касающееся дела апостольского в мире, но занесенное историком Лукою на страницы Деяний, показывает, как жизнь “мира сего” шла своим, все тем же путем, в то время как свершалось великое, небесное дело в человечестве. Два мира — мир благодати и “мир сей” взаимно друг друга проникают, оставаясь существенно различными, принадлежащими к двум планам бытия. Кесарево воздается кесарю, но сверх того многими этому же кесарю воздается и Божие. Этот всюду, в той или иной степени происходящий процесс, показательно ярко изображен в стихах 21-22: “в назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним (то есть к тирянам и сидонянам, подкупившим Власта). А народ восклицал: “Это голос Бога, а не человека” ... Самоуверенный царек, в мишурном блеске восседающий на троне, и бессмысленный народ, его обоготворяющий, в то время, когда Суд Божий вознес уже меч ангела над гордостью человеческой и черви готовы выйти на поверхность эмпирического бытия Ирода... Поучительная это, для всякого времени, картина.

“Мир Мой даю вам, — не так, как мир дает” (Ин). А как именно дает мир свой мир, это очень хорошо видно в 12 главе Деяний. “Власти человеческие” творят свой мир. И

мир “сего мира” есть творение Властов. Оттого так мало на него надеются, и так мало ему придают значения, люди видящие Истину.

Путешествия апостола Павла, главы 13-20.

Манаил (гл. 13).

Близость к Ироду еще не определяет духовно человека. Мы это видим на примере Манаила, который был “совоспитанник Ирода” (13:1), но духа Ироду противоположного. “Бытие” само по себе и его внешние условия совсем не определяют сознания, — духовной свободы и нравственного чувства человека. Воспитанные одинаково, Ирод и Манаил пошли совсем разными путями в жизни. Один сделался напыщенным тираном, царьком, игрушкой демонического духа, а другой “служил Господу и постился” (ст. 2), слушая недомыслимые веяния Духа Святого в своем утонченном и освященном сердце.

“Набожные и почетные женщины.”

Священное Писание божественно чуждо страстных интонаций. Поэтому оно чуждо иронии и сарказма.

Отсутствие “душевности” и эмоциональности придает особенную силу нравственному суду над злом.

Стих 50 гл. 13 говорит без всякой иронии о набожных и почетных женщинах, выявляя лишь протокольную правду.

Эти набожные и почетные женщины вместе с первыми в городе людьми “воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов.” — Типичный образец встречи мира, который “во зле лежит,” с Истиной Божьей... “Суд же состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет; потому что дела их были злы” (Ин. 3:19). “Всякий, делающий худые дела, ненавидит свет и не идет к свету” (Ин. 3:20). Страшный Суд есть все та же Любовь. Но она есть и Правда. Любовь-Правда светит в мире, и светом своим уже сейчас распределяет людей, по правую и по левую сторону от себя. Есть души-овцы, уже сейчас послушные любви, а есть козлы, уже сейчас ее бодающие. Свет Христов спасает и судит одновременно. Все это начинается уже на земле, в кратком отрезке земного времени. Неповторимая земная жизнь — испытание метафизического существа человека. Будущий Суд есть лишь печать на том письме, которое написал человек во время своей земной жизни. Оттого так велика цена всякой минуты земной.

Ценность ее не в созерцании только начатков будущей гармонии, не в предвкушении только будущего блаженства; но великая ценность этой “исполненной печали” земной жизни — в возможности всецелого обращения к Жизни Вечной. Ужас земного существования — в возможности не откликнуться на зов Божий, оттолкнуться от Вечной Жизни, возненавидеть, распять на своем пути, этот зов, как Христа; оттолкнуться от Света несомого учениками... Ужас этой жизни в возможности вот чего: “они же отрясши на них прах от ног своих пошли в Иконию.” Этот легкий прах, взметаемый от ног посланных Богом людей, прах отряхаемый, не принятый даже на подошву апостольских сандалий, — какое это невероятное свидетельство о душе человека, о доме, о городе, о народе... Если этот грех не омоется водою глубокого раскаяния и обращения ко Христу, как будет он свиде-

тельствовать о предании и распятии Истины Христовой — в душе, в доме, в стране... “Истинно, истинно говорю вам, отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели граду тому,” — граду, стране, душе, на которой осело это легкое облачко пыли, отрясенной с ног апостолов... У города Содомы не нашлось ничего, кроме тусклой совести человеческой, мерцавшей в Лоте. В Антиохии Писидийской, а ныне почти во всех городах мира было Слово Божие. Если совесть Лота можно было содомлянам пытаться испачкать и нарушить, то Слово Божие можно только изгнать. На это именно и решились “первые” люди в Антиохии Писидийской. Нередко на это же самое решаются именно “первые люди” — в городе, обществе и народе... Конечно, о них это было сказано, что “многие же будут первые последними и последние первыми” (Мф. 19:30).

“Набожные и почетные женщины” в истории не всегда оказывают поддержку Истине. Стих 50-й 13-ой главы Деяний написан специально для. — многих в мире — набожных и почетных женщин.

“Муж, не Владевший ногами,” в Листре (14:8-10).

Когда он слушал “говорившего Павла,” “апостол взглянул на него и увидел, что он имеет веру для получения исцеления... Не так ли ангелы взглядывают и вглядываются в нашу сущность, когда Промысл Божий зовет, увлекает нас к духовной жизни.

Происходит некое непрестанное изучение нас, замечание нас, со стороны Божьего невидимого для нас мира, замечание нашей сущности, при различных состояниях нашей души и в различных положениях жизни. Как бы “рентгеном” все время снимают нас! Всякое наше состояние порождает соответственный зов, Божьей Благодати, ее живой и личный ответ на выражение и направление нашей свободы. Зорко вглядывается в нас тот, кто нас любит здесь на земле; тысячекратно более зорко вглядываются в нас наши ангелы-хранители, незримые для телесных очей... Сколь же более еще глядит на нас Око Божие!

Все в мире устраивается так, чтобы проявлялась все время наша воля, наша свобода, наша личность. Человек все время ставится в тысячи разнообразных условий и положений в мире, внешних и внутренних; и через всякое обстоятельство внутренней и внешней нашей жизни Любовь Божия хочет высечь из камня его души искру небесного бытия. Искра эта — отклик человека на зов Благодати; искра, это — отзвук воли человека на Промысл, распростертый над ним, или над окружающим его.

Орлино-зоркий, ангелоподобный взгляд апостола являет высшую пневматологическую действительность мира, о которой так слабо и несовершенно знают люди в мире, оставаясь обычно лишь в плотской или душевной, психологической плоскости; психофизический мир имеет тоже свой мир утонченности и своеобразной “духовности” (ложной, конечно), из которой вырастают все заблуждения мира.

Истинное духовидчество, прозорливость есть прямое следствие очищенности сердца человеческого и соединения его с Духом Истины. Это духовидчество, видящее и провидящее реальность вечного мира, дается Господом на земле людям только ради спасения их и других душ и вверяется только тем, которые узнаны и призваны быть истинными спутниками и соработниками Промысла Божьего в мире, сынами, знающими волю Отца.

У апостолов в высокой степени был этот дар. Они не только поклонялись Богу “в духе и истине,” но и видели весь мир и человечество в духе и истине. Психическая “зазубренность” и сложность человечества не имела для апостолов значения.

Апостол умел быть, — не от лицемерия, конечно, и не для земной корысти (как это делают люди века сего), но по любви к каждой душе — “с эллином, как эллин, с иудеем,

как иудей.” Со слабыми был он, как слабый, с сильными, как сильный, — чтобы открыть истину всем и спасти всякого истине открывшегося. Душа апостола, освобожденная от житейских, бытовых, расовых, национальных и психологических ограниченностей и подчинения времени, с его провинциальным разделением людей, могла идти всюду, оставаясь всегда свободной во Христе. Эта душа нового человечества, умершая не только для греха, но и для его естественных следствий (для “рубцов греха”), душа, плывущая уже в безбрежном океане жизни божественной, видела, конечно, малейший признак обращенности к Христу другого человека. Так остановился быстрый взгляд апостола на одном из “малых сих,” на хромом человеке города Листры, где апостол проповедовал, и — в самую минуту проповеди.

Из этого мы видим, что апостол не только говорил; он умел и слушать духом всех тех, кому говорил. Эта примечательная черта (редкая в проповедниках религиозной истины) показывает нам дух истинной проповеди. Так редко встречается в мире эта черта, несмотря на обилие проповедников, именно оттого, что говорящие не слушают (в это же самое время), а если и слушают, то не слышат по-настоящему тех, кому говорят. Слышать духом других людей, во время своего слова, есть дар, сопровождающий служение истинного проповедничества. Это есть дар обращения отдельно и лично к каждому, даже в то время, когда пред проповедником тысячи слушающих.

Действие Духа Божия в мире универсально и оно, одновременно, неповторимо лично, в отношении каждого человека. Таково само божественное содержание Евангелия, в отличие от остальных книг мира. Таким же бывает слово истинных проповедников. В меру своего приятия огня Духа, они видят, что надо человеку.

Хромого в Листре надо было напоить водою, не только духовного, но и телесного исцеления. Апостол это сейчас же заметил, и увидел, что хромым человек “имеет веру для получения исцеления,” т. е. что он не только способен психологически поверить в возможность своего исцеления, но и пневматологически зрел для этого исцеления, что исцеление не повредит ему, его спасению; даже поможет ближе подойти к Богу. Что оно будет благословением и для него, и для других людей. Апостол все это мгновенно заметил, безошибочно (вот она, огненность апостольская!) определил своим духом... То, что другие нечуткие и слепые духом “прозевывают,” апостол (истинный “Строитель тайн Божьих”) сейчас же заметил. И воспользовался немедленно, со всею горячностью своей любви к Богу и человеку. Взглянул, заметил и — сейчас же — громким, горячим, от сердца идущим голосом сказал: тебе говорю (вот — любовь Отца), во имя Господа Иисуса Христа: “стань на ноги свои прямо;” и он тотчас (все подлинное тотчас происходит вне времени человеческого) “вскочил и стал ходить.”

Народ в Листре (14:8-18).

Молниеносное исцеление хромого от рождения в Листре произвело на народ ошеломляющее впечатление. Можно было бы сказать слишком большое. Слепота духовная, как и слепота физическая, оставляет человека либо в неподвижности, либо заставляет его делать движения лишние, не нужные, иногда губительные. И слепые духовно, пред апостолом, либо cedят сквозь зубы лениво: “об этом послушаем в другое время” (Деян. 17:32), либо кричат: “боги в образе человеческого сошли к нам” (Дн. 14:11). Глухие не хотят слушать апостолов, как некое по-новому скучное учение человеческое, или, видя чудо, впадают в такой же восторг, как после насыщения тысяч людей пятью хлебами, и хотят чудотворца сделать своим царем, или причислить к сонму богов. Если Господь Иисус Христос

только скорбно уклонился от людей, Царствия Божия не понимающих, то апостолы Павел и Варнава, естественно, возмутились духом до такой степени, что “разорвали свои одежды.”

Современный, разумный, осторожный, проповедник пожалел бы, конечно, своей одежды... 1900 лет тому назад все было проще и горячее. С жаром бросились в толпу так плохо ею понятые апостолы, так не к славе Христовой понятые. Бросились в народ, крича (“громогласно говоря”) все, что приведено в стихах 15-17.

Исцеление хромого произвело нужную реакцию, обнаружив подлинное духовное состояние народа и дало апостолам новый повод горячего свидетельства о Истине этим поверхностным и “жестоковыйным” (даже в добрых чувствах своих) людям.

“Жестоковыйность” (плотянность религиозная, фанатичность) одинаково далека от Бога, как в зле, так и в добре. Можно себе представить сколь мучительно была, для светлого, смиренного духа апостолов, эта попытка языческого обоготворения их самих. Они, учившие о совершенном обождении человека во Христе, должны были особенно страдать от человеческих стремлений к темному их обоготворению.

С разодранными одеждами, крича, апостолы убеждали в толпе эти младенческие сердца простыми, горячими детскими, педагогически трогательными в эту минуту словами: “Мужи! что вы делаете? И мы — подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу живому, Который сотворил небо и землю и море, и все, что в них; Который в прошедших годах допустил всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавал нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищую и весельем сердца наши.” Из этих слов так и брызжет непосредственная любовь к Богу. Она и зажгла миллионы сердец в мире... Здесь было и материнское утешение народа в младенческом безумстве его.

“Некоторые Иудеи из Антиохии и Иконии” (14:19-20).

Таких “некоторых” иудеев довольно много было на путях апостолов... Первое гонение на Церкви, как известно, шло из среды этих неверовавших во Христа иудеев; они же раньше просили у Пилата, чтобы он им отдал Варавву, а Иисуса отдал на распятие; это они избрали не Его, но “Варавву” (Мф. 27:21).

Препятствия от них были повсюду. Вся естественная конъюнктура складывалась очень легко в пользу этих врагов истины Христовой. Победа над миром могла быть только по благодати, чрез веру. Благодать должна! была быть практически показана в мире. Не только подлинная высота человеческая, но и практическое доказательство сверхприродной силы Духа Христова должно было придти в мир чрез крайнюю и всестороннюю слабость всей человеческой — и апостольской — плоти.

У посланных Богом на завоевание всего человечества, людей не было:

Ни значения, ни влияния — “внешнего,”
Ни ловкости, ни хитрости мира,
Ни красноречия, увлекающего людей,
Ни престижа государственного,
Ни авторитета общественного,
Ни богатства материального,
Ни силы физической,

Не было вообще никакой власти внешней — человеческой. Всё это “естественное,” наоборот, было обращено против апостолов... Не было у них ничего, кроме Благодати и сердца открытого для небесной Истины. Из этого сердца, как “из ничего,” творился новый мир...

“Некоторые иудеи” (это категория повсеместного противления христианству) всюду мешают апостолам и их преемникам, как пыль — глазу. Это зло не этническое (апостолы — тоже иудеи), а духовное.

Народ в Листре уже стал подчиняться Господу и принял своим простым детским сердцем к апостолам, и начал уже пить духовное млеко истины. Апостолы продолжали “смело проповедовать.” Но вот являются эти “некоторые иудеи” и возбуждают людей против апостолов; “убедили народ отстать от ап. Павла” (которому — совсем недавно — хотел народ приносить жертву, как богу); таща его, побили камнями, и даже “вытащили за город, почитая его умершим.” Но чудесно укрепленный, на глазах учеников, апостол встал, и не устрасился опять войти в Листру; лишь на другой день он ушел в Дервию, а после снова, чрез некоторое время, вернулся в ту же самую Листру для “утверждения душ учеников,” уча их делом и словом, что “многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие.”

“Некоторые иудеи,” после того, как апостольское дело перенеслось к язычникам, явились, конечно, и в образе язычников... Когда же “окончились времена язычников” (Лк. 21:24), эти “некоторые иудеи” стали являться в образе “внешних христиан.” Когда же стали оканчиваться и времена внешних христиан, эти “некоторые” снова являются миру, уже в виде неоязычников и неоиудеев, обновивших учение о примате крови, плоти, расы, нации и государства — над духом человеческим и Духом Божьим.

Истинным апостолам они не могут возбранить и никогда не возбранят делать дело Божие. Смысл их явления: открыть правду у крестного пути Благодати в мире; правду евангельского пути в Царство Божие.

Лидия из Фиатир (16:14-15, 40).

Вокруг апостолов происходит “поляризация” человечества. Господь “отверзал сердца” людей. И сердца показывали свое содержимое. Так отверзлось сердце и Лидии, торговавшей багрянницей в Фиатирах. Она была, по-видимому, состоятельнее других христиан и ей было легче дать у себя приют апостолам: “если вы признали меня верною, то войдите в дом мой, и живите у меня;” такими словами убедила апостолов войти в ее дом.

Облегчают апостолам их труды и страдания такие кроткие, скромные, жертвенные и не замечающие своей жертвенности женщины. На всем протяжении истории Церкви, Промысел ставил таких женщин на крестных путях благовествователей Слова. И женщины эти, как Лидия, а позднее, через 4 века, Олимпиада диакониса, служили благовестникам Христовым “имением своим, как самому Господу.” Они не только подавали, по заповеди Христовой, “чашу холодной воды во имя ученика” (Мф. 10:42), но они поили самих учеников, и не одним стаканом воды, и кормили их, воплощая свою любовь к Господу в служителях Его Церкви.

Отрекшиеся от своих родных, семейств и друзей по плоти, служители Христовы получали, уже на земных своих крестных путях, по слову Господа, во сто крат больше “матерей и братьев и сестер” и друзей — духовно близких, чья близость уже утверждена в вечности. Эти, отрекшиеся от всего и свободны от всякой плотской привязанности, находя всюду, на всех путях своих, до наших дней множество матерей и сестер и братьев и чад в духе, во Христе; и эти новые связи и единения несравненно глубже и радостнее кровных

союзов. Чистое родство душ, соединенных между собою одною любовью ко Христу Господу и Его нетленному миру, как бы одним дыханием любви живет. Оно носит уже в себе и предвкушает все радости вечной, совершенно отодвигая в забвение страстную, ветхую, плотскую жизнь.

У христиан и жены, — только “отчасти” жены. Они более спутницы к небесному вечному Отечеству. Оттого говорит апостол, что все “имеющие жен должны быть, как не имеющие и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся” ... “Ибо проходит образ мира сего” ... Но образ мира вечного и бытия нового готовится стать настоящей, единственной реальностью человека.

Чрез служение душе, обрученной Богу, слуги Христовы исполняют свое предназначение. “Ничего не имея” они “всем обладают” (2 Кор. 6:10) и в отношении вещей мира видимого, и в мире невидимых сокровищ Божьих, живых душ человеческих. Христианин — собрат и сослужитель всех святых, от века Богу угодивших “обладает,” в Боге, всеми их жизнями, хотя и “не имеет” их. И всякий благовестник обладает плодами своего благовестия, — любовью к Богу человека, им обращенного. Трудящимся позволено “жить от благовествования.” “Жить от благовествования,” совсем не значит только пользоваться гостеприимством Лидии, ее услугами и пищей. Апостолы питались “не одним хлебом,” но и Словом и любовью, действовавшей в их братьях и сестрах.

Они “питались от благовествования” — любовью людей; их правдой и чистотой, их усердием и помощью в деле обращения новых душ ко Христу.

Одержимая служанка (16:16-23).

Характерный и поучительный для современности случай произошел в Филиппах. Идя в молитвенный дом, за город к реке, апостолы Павел и Лука встретили одну служанку, “одержимую духом прорицательным.” Дух бесплотный, видящий более, чем человек, имеет возможность, иногда, проникая в человека, нечто сообщать ему и чрез него другим. Чрез одержимых людей дух может сообщать нечто и окружающим.

Пользуясь одержимостью своей служанки, господа ее зарабатывали и имели большой доход” от этих прорицаний. Ап. Павел несколько дней терпел на улице прорицания, но потом не вытерпел, вознегодовал, и, силою Господа Иисуса Христа, изгнал прорицательного духа из служанки. Ничего плохого, в сущности, этот дух ему не говорил. Этого духа даже можно было принять за истинного духа (и тем подпасть под его влияние). Он возвещал чистую правду. Но апостол без колебаний изгнал его, Именем Христовым. Дух этот был нечистый, — апостол вознегодовал, изгоняя его. Ясное вытекает из этого поучения всем ищущим в мире прорицателей, гадалыщиц, ясновидящих, и им доверяющих: “сатана принимает вид ангела света” (2 Кор. 11:14). Хотя ясновидящие, бывает, и не говорят ничего плохого, и кое-что угадывают из прошлого и из настоящего человека, и не пытаются греховно заглянуть в будущее (которое есть достояние Единого Господа Бога), — однако обращение с этими “ясновидящими” представляет, для всякого человека, большую опасность и несомненное духовное загрязнение, в самом уже факте обращения к ним и общения с ними, — вопреки воле Божьей.

Всякое общение с неблагоприятным духом, всякое обращение к нему, есть уже смертельное осквернение для человека. Люди мира бывают столь неосторожны и столь неразумны, что, вопреки ясному велению Божию, стараются даже иногда самовольно подглядывать будущее, тем отталкивая от себя Благодать веры и ежесекундной надежды на Бога.

Темничный страж (16:22-34).

Целая Книга Жизни заключена в стихах 27-34. Любовь апостола к тюремщику своему, спасение его тела и души. Может быть, ради обращения его одного был апостол проведён чрез эти нелегкие узы... Как быстро откликнулась душа стража на искреннюю любовь апостола к нему. Любовь апостола — в крике отеческого страха из глубины темницы: “не делай себе никакого зла,” и в горячности этого его крика. Апостол прозорливо в темноте возгласил к стражу своему, не видя его, но зная, что он уже извлек меч, чтобы умертвить себя. Эта любовь, забота и явная прозорливость узника потрясли тюремщика. Он “потребовал огня” и, вбежав в тюрьму, как ребенок “припал к Павлу и Силе.” В “трепете,” в священном и сладком ужасе.

Мысль о духовном спасении охватила его. Удивительно, как призывающая Благодать приготовила его к принятию небесного огня веры. Землетрясение, колебание стен темницы, забота безвестных учеников о его спасении, их удивительное проникновение в его мысль и их совсем новая для него любовь, проповедь, увещание крещения...

Явление горячности в вере и любви дает осязательно яркие плоды Духа; Дух сошел на стража тюремного; Дух вывел его из его внутренней душевной тюрьмы, тюрьмы одной плотской жизни и плотских помыслов. “И взяв их в тот час ночи, он,” этот доселе грубый тюремщик, “омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его.”

Радостная общая трапеза жизни... Сказано: “возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога.” Радость чистая, небесная, о своем и близких своих вечном спасении; радость открывшейся ему Божьей и своей любви к Богу... Чувствуется даже некоторое “опьянение божественным” в событиях этой ночи. Всё в одну ночь произошло. Пример действия Благодати в простом сердце. Сейчас люди — особенно тюремщики наших дней — “изъедены рассудительностью, безличностью, отвлеченностью, рутинной “профессиональности;” в этом тонут личные черты всякого человека. Души сейчас в мире разложены; в них меньше цельности, простоты и детскости, чем в людях апостольского времени или средних веков. Мир тогда, может быть, был грубее, но душа человека была обнаженной и ясней в своих корнях.

Землетрясения в те годы больше обнажали в сознании человека близость ангельского мира. Души стояли ближе к своим “метафизическим корням.” Облегчая веру во Христа человеческим душам, мир и сегодня потрясается великими и огненными катаклизмами. Трясение стен общечеловеческой темницы — мира — есть сотрудничество силы Божьей с душами человеческими, имеющими уже божественную любовь и посланными в мир на проповедь Истины... События физические, исторические — лишь пролог к действию любви и апостольского служения.

Злоба, ненависть, открытое бесчеловечие, истязание одних людей другими, преследования, расовые, кастовые, национальные, партийные, лично-эгоистические, волны ненависти, недоверия и страха всё время колеблют стены мира — общей темницы людей. Это всё совершается ради облегчения духовного воскресения Господа Иисуса Христа в сердцах людей, не понимающих стражей этого мира.

Повторяются и в наши дни события, сопровождавшие распятие Христово, — землетрясение, отвержение гробов, разлитие Света Божественного в сердцах... “Думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас” (Рим. 8:18).

Зло и суету “преодолеваем силою Возлюбившего нас.” Апостол, по опыту своему, мог быть совершенно уверен, что никакая сила не может отлучить, ни его, ни другие души “от любви Божьей во Христе Иисусе Господе нашем.” Более того, он хорошо знал, что всякая сила в мире, всякое событие, может, силой Христовой, привести человека к этой любви.

Городские служители (16:38).

На долю этих людей выпало только пересказать начальникам города слова ап. Павла; не благовествования, а требования гражданской и человеческой справедливости, в отношении его и Силы. Дело этих городских служителей, совсем незаметное, не открыло их личностей... Тут рядом совершалось обновление и “воскресение людей Духом Святым,” но эти служители города остались в стороне от новой жизни. Они продолжали старую жизнь мира и откликались не на духовные, а только на внешние слова апостолов. Как очень многие люди, — они безжизненно проходили около самой Благодати Воскресения, столь близкой к ним!

Иасон (17:5).

Иасон был уважаемый в Фессалониках человек. Вместе с христианами, он пережил несколько неприятных минут; его тоже повлекли “неуверовавшие иудеи” и “негодные люди,” взятые иудеями с площади. Обвинение (всё то же: “всесветные возмутители”) обращено опять к апостолам. Но их не находят в доме знатного Иасона. Иасону приходится объясняться с маленькими пилатами Фессалоник. Толпа “неуверовавших иудеев” и “негодных людей,” точь в точь, как пред Иерусалимским Пилатом, опять неистовствует, кричит... Дальний отплеск великой волны, поднявшейся “на Господа и на Христа Его” ... Но тут не мученичество, не распятие, а досаждение и неприятность.

“Негодные люди” больше неприятностей, в данном случае, принесли самим себе, чем Иасону. Чтоб “возмущать город,” надо было, очевидно иметь еще более злую душу... Правы те, которые жалеют не столько жертву, сколько палача; в духовном смысле палачи несчастнее своих жертв.

Около каждого человека и церковного дела в мире слышен всегда дьявольский ветер, поднимающий пыль вокруг и бросающий ее в глаза людям. Зло не в силах ничего само привнести, влить, дать, но хочет отнять от людей все и испугать их на самом пороге добра, сделать их бессильными для блага... Но трезвые и мудрые христиане, как Иасон, один за другим, спокойно, распутывают все дьявольские сети, узлы и колтуны, выходя из тупиков зла и выводя других.

Городские начальники” (17:6-9).

“Городские начальники,” обычно, нравственно-нейтральные люди, поддаются, конечно, добру, но и встревоживаются злом. Это “почва каменистая,” на которой быстро всходят самые противоположные растения, одинаково быстро увядающие. Вообще, начальники власти гражданской живут не столько в нравственном порядке Истины и Добра, сколько в психологическом и юридическом порядке “мира сего.” У них свой комплекс оскорблений и суждений рутинных, по которым они милуют или осуждают людей... В их психическом мире всё шатко. Легко их “встревожить,” но не трудно и успокоить, “дать удостоверение” ... “Удостоверяющий,” впрочем, должен принадлежать к их миру, говорить на их языке... Общественная жизнь Иасона, вероятно, соприкасалась с ними, и оттого

ему легко было успокоить их. “Городские начальники” — зыбкая почва всех времен и народов. С ними надо уметь говорить. Апостол Павел умел не только благовествовать им, но и говорить с ними, не затрагивая “жемчуга” духовной области (см. 16:37-39, 24).

Верийские Благомысленные (17:10).

Трогательное сообщение о том, что, ввиду явной опасности в Солуни, “братия,” христиане, “немедленно отправили Павла и Силу.” Апостол народов подчинился “братии” и был “отправлен” в Верию. Там было благомысленнее, тише, мудрее. Там без споров люди приняли свидетельство истины и только захотели для прочности веры сами удостовериться в текстах Писания, на которые ссылались апостолы. В результате беспристрастного разбора Писаний “многие” из верийских уверовали. Здесь уже и “почетные женщины” себя проявляют с самой хорошей стороны. Не мало их и уверовало. Но вот диавол змеится по стопам апостолов. Солунские возмутители услышали, что апостолы проникают в Верию; Павла опять спасает “братия,” отправляя в виде путника, “как будто идущего к морю” ... Удивительна чуткость, разумность и любовь подлинных друзей апостолов. Сколько радости скрывается в этой заботе, для благовестника, и радости — не из-за облегчения его трудов, а из-за торжества христианской любви в друзьях его и чадах о Христе; той любви, которая была “проповедана” и насаждена им.

Верийская община выросла отчасти благодаря гонению на апостола в Солуни. “Любящим Бога всё содействует ко благу.” Дьявольский ветер только разносит искры огня Христова в мире; не в силах он потушить их. Лишь призрачные искры исчезают под этим ветром. Внимательность верийских людей к Истине и их ежедневные разборы Писания, с целью удостовериться в ней до конца — есть новое вкладывание трепещущих радостно перстов человеческих, в прободенные руки и ребра Спасителя Воскресшего...

Встречавшие (17:17).

Апостол рассуждал “ежедневно на площади со встречавшимися” (17:17). О чем? “Он благовествовал им Иисуса и воскресение” (ст 18). Промысл вел души человеческие чрез афинскую площадь, где стоял апостол и говорил о Боге Живом. Некоторые из эпикурейских и стоических философов спорили с ним и называли его за спиной суесловом. На площади речь ап. Павла обращалась ко всем. В результате этого апостольского — и Божьего Слова, — образовалась группа уверовавших. “Некоторые же мужи, приставши к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина именем Дамарь и другие с ними” (ст. 34).

Конечно, по каким-нибудь своим житейским надобностям, люди проходили чрез площадь, а, может быть, спешили некоторые на поклонение ложным богам. Апостол стоял на площади, как сеть... И таинственно совершалось улавливание душ.

“Один берется, другой оставляется” (Мф. 24:40)...

Благодать встречается таинственно с душой человеческой, на всех путях и площадях мира. Иногда среди самых земных шумов и идей мира человек слышит кроткий голос Истины. Друг земной или небесный вкладывает ее в самое сердце. И истина вдруг кажется человеку бесконечно более дорогой и близкой, чем все зовы мира, сулящие счастье и бедные клики земли.

Почему один откликается, “берется,” а другой не отвечает голосу Истины и “оставляется” во лжи? Слово Божие объясняет эту тайну притчей о сеятеле и семени. Истина Божия стучится и она падает, как семя, во всякое человеческое сердце; в глубинах своего

свободного бытия человек отталкивает или принимает Истину... Господь же, как солнце, светит всем... Если бы можно было духовными глазами взглянуть на афинскую площадь, в то время, как там стоял апостол, можно было бы увидеть Солнце Христа, — ослепительно сияющее среди этой площади, и одних людей можно было видеть согревающимися и радостно озаряющимся этим солнцем, других — опаляемых его огнем и отбегающих от него; третьих — сокрытыми за холодными каменными стенами своей самости...

Аполлос, Акила и Прискилла (18:24-28).

Аполлос, зная только крещение Иоанново (такова была сила этого крещения) уже “говорил духом” и “учил о Господе правильно.” Дух Святой уже понуждал этого человека говорить другим языком, несмотря на еще несовершенное знание истины им самим. Истинное горение сердца больше знания человека. Дух Аполлоса был уже мудр, в горячности своей, а разум его еще отставал, и ряда сторон христианских учений не знал.

Акила и Прискилла, друзья ап. Павла, соремесленники его по деланию палаток, помогли Аполлосу, “приняли его” (и в дом, и в сердце свое): “точно объяснили ему путь Господень” ... Не спорили с ним, не опровергали его, а только “точнее объяснили ему путь Господень” ... Это самый верный метод привлечения добрых душ, еще не знающих полноты истины. Аполлос — пример горячности, в служении Богу, и смирения. Душа, движимая Духом Святым, так же легко учит, как и учится истине.

Акила и Прискилла во время делания палаток с ап. Павлом, научились от него глубине познания Истины. С кем ни соприкасается, братски, дружески, апостол народов, — всех он учит делать палатки Господу Воскресшему, Преображенному. Тогда, на горе Фаворской, еще не время было “делать кущи” (Мф. 17:4). Но теперь, после Воскресения, — всё дело апостольское уже в том, чтобы строить палатки Господу в душах. Всё в мире учило апостола Царству Божьему.

Некоторые ученики (18:18).

Были ученики, не знающие о Духе Святом, Но Дух Святой знал их и влек к новым откровениям.

Быстро, без сомнений слышат они истину и принимают Духа Истины, показывая тем, что Он в них был, хотя они и не знали этого. “Бог же творил немало чудес руками Павла.” Главное чудо есть обращение к Истине людей, ее не знающих, и обращение к большей Истине тех, которые познали ее еще несовершенно. Материал горячий Господом подготовлен. Надо только запалить. Это мог делать даже Аполлос, даже не зная всей истины, а только горя ею. Еще скорее зажигались души предоставленные (предоставившие себя, в своей свободе) чрез слово Апостола, к Истине. Но апостол не только учил и проповещал. Он и подавал Духа, возложением рук. Дух Святой, в глубочайшем — непостижимом смирении Своем, благоволил слушаться верных ему людей. Он подает Себя людям чрез таинства Церкви, чрез молитву и чрез руковозложение Своих слуг, очищая, освобождая и освящая людей, алчущих Его. Своими блаженными силами и неизреченными дубовениями Дух благопопушен людям верным Ему и благопопушенным Ему... Ошибочно говорить о “Третьем Завете,” о новом историческом “Завете Духа.” Дух Святой, Единый со Христом и Отцом, обильно, царственно и благопопушно действует в мире. Он уже входит в Завет с человеком, если находит в нем веру и любовь.

Иуст, Крисп и другие (18:7-11).

Радостна была жатва апостола в душах таких “чтущих Бога,” как Иуст и начальник синагоги Крисп. Конечно (как в видении было ап. Павлу сказано), надо было “говорить и не умолкать.” “Много у Меня людей в сем городе,” — сказал Сам Господь апостолу... “У Меня” ... Если бы только нам всем быть у Тебя, Господи, на счету Твоем... Апостолы только срывают гроздь, которые возрастил Дух Божий. “Я послал вас жать то, над чем вы не трудились. Другие трудились, а вы вошли в труд их.” На кресте (жизненном и надгробном) каждого проповедника Истины, могут быть надписаны эти слова.

Сосфен (18:17).

Фигура Сосфена, начальника синагоги, довольно жалкая. Противник апостола, он был в числе тех иудеев, которые “единодушно” (единодушие всякого зла — призрачно) напали на Павла и привели его пред судилище Проконсула Галлиона. Явно — оклеветали апостола. Но Галлион, более мудрый, чем Пилат, не хотел вмешиваться в религиозные дела иудеев и прогнал их с судилища.

Но почему все эллины схватили после этого Сосфена и стали его бить пред судилищем, это понять не легко. Очевидно, это была одна из бесовских выходов. Бесы имеют часто власть бить своих слуг... А Галлион “ни мало не беспокоился о том.” Рывший яму другому, попал в нее сам. Христиане запомнили этот случай.

Жалкие люди, эти Сосфены, не любящие добра и неудачники во зле. В сущности, и все злые люди становятся похожи на Сосфена. Зло, творимое ими, находит их самих, рано или поздно. Напрасно люди недоумевают, если зло “поздно” находит их (не как Сосфена). Они и в удачах своих внешних несут в своей душе личинки зла, уже обращенного против них.

Власть учеников (19:30).

... “Павел хотел войти в народ; ученики не допустили его.” Не первый раз мы видим это: ученики имеют власть над учителем. Это ученики, выучившиеся у своего учителя ученичеству Христову. Они повинуются духу Христову — в любви своей и заботе своей — и учитель их подчиняется им.

Блюститель порядка (19:35-40).

Высшее, что могла вырастить дохристианская культура, это соблюдение порядка, разумности естественных отношений, норм закона. Римское право — величайшее достижение древнего человека, не дошедшего до царства благодати; еще не знающего и Богооткровенного Закона. Оно целиком остается и в наши дни для людей, которые еще в младенчестве духовном и в одной только государственности пребывают; их усмиряет и направляет власть гражданских законов и естественных аргументов. Человечество, в государственности своей, живет в царстве незримой благодати Закона, пред дверями таинственного закона Благодати.

Тиранн (19:9-10).

Благодать на этом человеке. В его училище ап. Павел проповедовал иудеям и грекам целых два год а...

Чему бы ни учились ученики этого училища, они должны были за два великих года узнать христианство. Душевное знание уступает духовному. Тиранн уступает свое время и место ап. Павлу. Знание уступает ведению. Логика и психология — пневматологии.

Сыновья Скевы (19:11-20).

Райская весть о Господе Иисусе связана с изгнанием злых сил. Изгнание их есть действие Благодати. Кто пытается без Благодати изгонять из мира зло и пользуется именем Иисусовым без Духа Иисусова, тот будет отдан во власть злых сил.

Добро и борьба со злом, без Благодати Христовой, есть ложь и заблуждение анти-христово, слепота истории человечества.

Юноша Евтих.

Этот юноша траодский примечателен тем, что уснул сидя на окне во время “продолжительной беседы” апостола; пошатнувшись, он упал сонный с третьего этажа... Очевидно беседа апостола Павла была слишком трудна для молодого Евтиха. Многие в наши дни тоже засыпают умом во время богослужения и чтения посланий апостольских. Это “естественно” для плотского человека. Всё же, даже Евтиху лучше было бы не засыпать в такое время. Падение его символично. Это предупреждение всем христианам, засыпающим во время слышания Слова Божия... “Трезвитесь, бодрствуйте потому, что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев ища кого поглотить” (1П Петра 5:8). Особенно у святых мест и в святые часы (как в Гефсимании пред Голгофой), когда происходит прославление Господа, противник, диавол нагоняет на людей сон, расслабление, скуку. Еле горящий, тлеющий, потухает, связывается и отбрасывается от животворных слов молитвы.

Свидетельство Духа (20:23).

Как это “Дух Святой по всем городам свидетельствует” апостолу об узах и скорбях? Конечно, — чрез людей, живущих в разных городах. Духовно опытный человек слышит и узнает голос Духа в своем сердце, и в речи другого человека. “По одному слову можно узнать истинного подвижника,” — говорили св. отцы. Не столько даже чрез содержание, то есть рациональный смысл речи, как чрез ее дух, может быть узнаваема опытными людьми, как бессольная, так и благодатная душа. Несомненно, чрез глаза (и вообще черты лица) человеческие, проявляется духовное качество души. Слово тоже — выразительный проводник духа. Сквозь доброе, истинное и чистое Дух слышит райские звуки; и преисподний скрежет зла и нечистоты также слышен, хотя бы он и скрывался за внешней благовидностью слова.

Тонкий слух апостола ясно слышал духовные миры сквозь слова людей. В Филиппах из служанки он изгоняет демона, хотя этот дух ничего, кроме сущей правды, не сказал; но даже в самой правде обнаружилась пред апостолом его злая сущность. Примечательное пневматологическое явление. Познание этих явлений является потребностью самой необходимой современного человечества, обманывающегося так легко призраками добра и зла.

Дыхание Духа чутко слышит апостол Павел. Дух движет им и руководит. Без такого опытного слышания Духа нет истинного благовестничества Христова.

“Дух сказал мне, чтоб я шел с ними, ни мало не сомневаясь” (11:12). “Дух сказал Филиппу: пойди и пристань к сей колеснице” (8:29). “Когда они служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я при-

звал их” (13:2). “Это угодно Святому Духу и нам” (критерий Истины в Церкви во все века) (15:28)... “Прошедши через Фригию и Палатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедовать слово в Асии. Дошел до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их” (16:6-7)... и т.д.

Зная волю Господа Духа Святого более, чем материальную и психическую действительность этого мира, апостол Павел, конечно, видел ее и внутри человека яснее самого человека.

Дух бесконечной Святыни Кротости и Смирения благоволил обитать в простых, себе славы не ищущих людях, алчущих славы Божьей. Не “заслугами,” но своим духом, состоянием своего сердца привлекает человек Божьего Духа. И “не мерою” (Ин. III:34) Бог дает Духа, то есть — Себя. Это есть обещанное Господом Иисусом Христом Его Царство — в меру наших сил — “пришедшее в сил е.”

Спор с Духом (гл. 21).

Одно из самых таинственных мест Писания — многократное свидетельство Духа Святого о том, чтобы апостол Павел не шел в Иерусалим... “Они (ученики) по внушению Духа говорили Павлу, чтобы не ходил в Иерусалим” (21:4). Агав пророчествовал в Духе, предупреждая апостола об Иерусалиме. И спутники апостола и тамошние кесарийцы, в доме диакона Филиппа собранные, “просил и, чтобы он не ходил в Иерусалим” ... Но сыновне-дерзновенный апостол, как древний патриарх Израиль, боролся с Богом — Духом Святым. И его ответ (21:13). “ ...Я не только хочу быть узником, но готов и умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса.” Какое дерзновение великой сыновней свободы во Христе! Противоречить Духу, оставаясь в Духе же! Никакая действительно, ни “глубина ни высота” не может отлучить апостола от любви Божьей во Христе Иисусе. Далее этого не простирается уже ничто человеческое.

Как почтен Самим Богом соратник Его — верный и истинный.

У образа Божьего, у человека власть — не слушаться Самого Творца, и иногда — свято не слушаться Его, в опьянении любви к Нему... Только такое “неистовство жертвенности,” безумие преданности Богу, могло и может зажечь мир огнем Христовым.

Мы знаем, Апостол иногда подчинялся ученикам. Здесь же Сам Господь уступает ему.

Арест апостола Павла, суд и путешествие в Рим, главы 21-28.

Мнасон Киприянин (21:16).

В миссионерском деле Церкви очень ценно знать, во всех местах, “давних учеников,” верных, испытанных людей, “у которых можно было бы жить.” Повсюду есть такие верные Христовой Церкви души, служители Ей преданные. Надо миссионерам и другим служителям останавливаться у них. Их служение, как и христианки Лидии из Фиатир, есть — служить служителям Божьим. Это особый дар Духа.

Послушание Пресвитерам (21:17-28).

Придя в Иерусалим и встретившись с пресвитерами тамошней общины, ап. Павел услышал от них совет: “сделай же, как мы скажем тебе.” Апостолу посоветовали, исполнить, с 4-мя иудеями, обряд очищения в храме; в спасительность сего обряда не веровали ни пресвитеры христиане, ни ап. Иаков, с ними бывший, ни сам ап. Павел. Они знали хорошо, что освящается человек не обрядом, но Духом Божиим. Однако, всё же они решили исполнить этот обряд “для народа,” чтоб показать себя с лучшей стороны, пред многочисленными сторонниками обрядового закона. Здесь было нечто близкое к лицемерию. Но, так как действие было не важным обрядом обрезания, знаменующим ветхий Завет с Богом, то ап. Павел здесь согласился на компромисс и решил, в этот раз, несколько смягчить соблазн Креста Христова... Это было человеческим решением (не плохим, конечно, а нейтральным — нравственно), что выяснилось сейчас же, во время самого исполнения сего обряда. Страсти иудеев и их злоба против ап. Павла не только не были угашены подобным “жестом” апостола, сделанным в сторону иудеев, ради их немощи, но наоборот вспыхнули эти страсти с неожиданной яркостью. Благочестивая человеческая рассудительность не подействовала. Острота Креста выявилась с новой стороны... Началось новое великое гонение на Павла, чреватое большими последствиями для него, всяческими перипетиями, злобой гонителей, свидетельством Истины и страданием за нее.

Мы видим, как личность апостола, его свободная, человеческая (и потому не безошибочная) воля участвует всё время па путях благовествования. Господь Дух Святой не сделал из апостола безличного раба. Его личность участвует всё время в благовествовании, и своей великой жертвенностью, и своими немощами человеческими, чрез которые, по вере его и любви ко Господу Иисусу Христу, всегда переливалась сила Божия. Апостол был силен и в самой немощи своей...

Тысяченачальник Клавдий Лисий (21:31).

В лице этого римского военачальника лучшая сторона Государства, как Божьего установления справедливости и законности, избавляет апостола из руки его избивающих. Воины Клавдия Лисия подоспели вовремя. Павел освобожден от самосуда толпы, но тысяченачальник должен сковать его цепями, не зная, впрочем, кто он, думая, что он египтянин, недавно образовавший в пустыне большую шайку разбойников. “Множество народа” кричало “смерть ему” (ст. 36)... “Мы для одних — запах смертоносный,” — писал после апостол (2 Кор. 2:16). Свет Христов и правда Христова, живущая в человечестве, разделяет мир высшим разделением. Дух Божий возбуждает в душах, в зависимости от их воле-направленности, различные чувства, и, как бы раскрывая сущность людей, принуждает их идти до конца во внешнем мире тем путем, которым уже идет их сердце. Дух максимализирует и выбрасывает во вне всё внутреннее, в чем свершается уже отчасти Божий Суд в мире. Последний же Суд есть выявление последнего слова в той нравственной фразе, которую человек уже произносит сейчас своим сердцем. Суд есть конечное утверждение “внутренней логики вещей.” Суд есть осуществление высшей логики бытия... Предающий Христа не может не распять Его. Умывающий Ему ноги (хотя бы в лице меньших братьев-людей), не может не благовествовать Его правды, не предать ему до конца своей жизни.

Государство же в этом мире (как и вся душевно-телесная жизнь, с ее интересами и целями временными) нейтрализует, задерживает действие этого Суда. Если бы не было, со стороны внешнего мира, этой душевнотелесной нейтрализации духовных состояний человечества, вся бы жизнь загорелась и вспыхнула в мире двумя огнями: райским и геенским;

и земная жизнь покаяния, исправления, возрастания в правде и в ней спасения, — была бы невозможной... Клавдий Лисий — типичный представитель государства. Он “Божий слуга,” начальник и “не напрасно меч носит” (Рим. 13). Он сковал апостола, но не по пристрастию, а ища законности и правосудия. Здесь, конечно, вскрывается и вся духовная слабость, недостаточность “Божьих слуг” государства. В них нет высшей прозорливости. При всей их честности, они узки, слепы и глухи к реальности высшей, духовной жизни. Лисий наивно спрашивает горящего правдой Божьей апостола из-за того только, что он отвечал ему по-гречески: ... “не ты ли тот египтянин, который пред сими днями проповедовал возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи разбойников”? Это повторение слов, говорящих о Самом Господе: “В нем Вельзевул” ... Нечуткость к внутреннему облику человека. Мир слеп и глух, но он все-таки живет каким-то осколком зеркала, отражающего волю Божию. Клавдий Лисий — это видно — поставлен был, волей Промысла, как “крепкая стена меж ап. Павлом и гонителями его. Смертоубийственная ярость иудеев иерусалимских пеной разбивалась у этой стены. Два круга сталкиваются тут над жизнью апостола: ревнители лжецерковного закона и ревнители закона государственного, “доцерковного.” И тысяченачальник, чтоб нечто узнать у апостола (“по какой причине так кричали против него”) приказывает истязать апостола. Но Государством тут его спасает: он защищен от истязания своим римским гражданством и римским законом. Ради этого одного, может быть, будет оправдана пред Богом вся римская Империя... Но “волны мира” не закончили своей борьбы. По сей день борются еще эти стихии над головой благовестников Евангелия. Религия мертвой традиции и народных древних обычаев не принимает, избивает истину Христову. Государство, законами своими, — как обручами сковавшее мир, отчасти защищает и спасает христиан в лоне своей законности, давая им некую свободу слова и действия; но этой же своей законностью, несовершенной, оно сковывает их, как — Лисий Павла, “двумя цепями” (ст. 33): в жизни личной и в жизни церковной.

Пыль в воздухе (гл. 22).

В своей ярости, — отчасти, — уже бессильной — против апостолов и Христова учения, — иудеи, собравшись толпой пред представителем Римского государства, не только кричали, но и “метали одежды и бросали пыль на воздух” (22:23). Пыль эта — и подобная ей — до сих пор носится в воздухе этого мира... Если трудно бывает, иногда, дышать воздухом этого мира, всей его атмосферой, то лишь потому, что носится в воздухе пыль брошенная (и бросаемая всё время) противниками Божьей Истины. Труден воздух этого мира, пылен, для духа человеческого. Надо все время подниматься, отделяться от земли, приближаться к небу, чтобы найти иной воздух, которым было бы легко дышать. Пыль в воздухе, о которой упоминают Деяния Апостолов, есть образ нарушенного Закона Божьего, символ всякого греха. Сама по себе пыль, прах, физическая земля — благословенна и призвана возвращать добрые плоды, на пользу людям. Но нечестиво брошенная в чистый, целительный для человека воздух, — эта пыль отнимает у воздуха благословение.

Одна только злая воля человека может свершить этот грех, — нарушая определенную для мира святую волю Божию.

Омрачается вся атмосфера жизни явлением греха.

В конвульсивном жесте людей, кричащих против Правды Христовой и бросающих в воздух прах земли, раскрывается вся философия земного противления Богу.

Суды человеческие (22:30).

Опять лжецеркви судят Церковь Бога Живого.

Представитель языческого государства, тысяченачальник “повелел собраться первосвященникам и всему синедриону, и, выведши Павла, поставил его пред ними” (22:30).

“Вот Я посылаю вас, как агнцев посреди волков” (Лк. 10:3)...

Агнец, горящий любовью ко Христу, — Павел, и “князя мира сего,” пыль, забравшаяся в атмосферу этого мира и “мешающая дышать,” не только человеку, но и Самому Творцу... Как не осудить строя и духа этого мира!?

Глашатаям нового мира предложит быть связанным и мучимым этим миром... “В мире будете иметь скорбь” (Ин. 16:33). Скорбь христианина не только в физическом гонении и возбранении ему служить Истине; скорбь его и в самом дрящемся в мире состоянии неполного еще Царства Божия. Скорбь его и за гибель самих врагов Истины, тоже званых к Богу. Скорбь за “хозяйничание” демонов среди Богом сотворенных человеческих душ.

Нужно мужество, чтоб встать во весь рост богопреданности над этой скорбью. Оттого и произнес Господь свое слово, говоря о скорбности истинного ученичества в мире: “Мужайтесь, ибо Я победил мир.” Уже победил. Всё остальное мнимо; всё другое есть лишь краткая, совсем не затрагивающая глубины этой победы фантазмагория.

Оттого спокойно сердце христианина в мире.

Первосвященник Анания (23:2-10).

Он приказал бить апостола по устам и тем ясно показал свою демоническую одержимость; демоны более всего ненавидят уста возвестителей Божьей истины.

Известно, еще из книги Бытия, что диаволу змию дана власть только над пятою человека, Богу преданного, “Пята” же его есть весь плотской круг земной жизни. “Жало в плоть,” которое мешало благовествованию апостола (2 Кор. 7:7), было для него только жалом в пяту, по верному обетованию Божию, данному семени Жены во Христе.

И физический удар вождя лжецеркви по устам вождя Церкви есть лишь удар в жалкую, материальную “пяту.” Дух апостола остался неуязвим. Сказав истину Анании (“Бог будет бить тебя” и “стена подбеленная,” т. е. подкрашенная белым, якобы чистым), стена меж Богом и людьми, — апостол даже эту несомненную истину готов взять назад, ради другой: истины смягчения сердец человеческих и указания на необходимость подчинения всякому слову Божию (ст. 5).

Если людям обычно в мире приходится отказываться от добра ради зла, или от меньшего зла ради большего, или от большего ради меньшего, или, наконец, от зла ради добра, — то христианину приходится в мире отказываться только от меньшего добра ради добра большего. Христианин — слуга Божий, непрестанный свершитель всё большего и большего добра...

Распря между врагами истины (23:6-10).

Мы видим здесь, как апостол “смешал языки народов.” Как сам Творец разделит при построении богоборческой башни Вавилона солидарность грешного человечества, так и апостол, метким, целесообразным словом, сразу показал всю неосновательность и внутреннюю разделенность тех, кто солидарно противился Божьей истине... “Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями и собрание разделилось” (7).

Творческое, святое разделение людей! Разделение людей, имеющих нечистую связь между собою, — свято. Разделение разбойников есть ослабление зла. Такими святыми делениями людей пользуется Промысл Божий для своих целей истинного их соединения. Пророк был послан тоже не только для “созидания,” но и для “разрушения” (Иеремия).

Апостолы не созидатели только, но и великие разрушители мира, многих его противобожеских связей и единений, всей эгоцентрической его “любви,” всех не истинных его “дружб.”

Апостол — строитель тайн Божьих; он знает, когда надо разделить строителей башни богопротивления; ему (как и всякому христианину в мире) дана власть созидать и разрушать, рассекать и разделять всё, мешающее Божественному созиданию.

Этот маккиавельевский принцип “разделяй и властвуй” — есть демоническое подражание мечу евангельскому. Задача Промысла в мире — не допускать чрезмерного скопления и единения свободных волей человеческих, ко злу направленных; разрушать призрачные, неэкзистенциальные единства.

Зло в себе не способно объединить людей и народы... Оно выдумывает призраки добра и истины, чтобы вокруг них объединить человечество против Христовой Истины. И Благодать, как во время построения Вавилонской Башни, так и во все эпохи, разрушает ложные единства человеческие, доказывая их лживость и непрочность. Промысел разделяет людей, не чтобы “властвовать,” как хотят цари и дельцы мира сего. Власть божественная утверждается в служении Христовом, исходит из Божьей любви, пленяющей человеческую свободу в Царство Божие... Власть же сего мира ищет господства, ради похоти властвования и своекорыстия.

Благодать Божия все время благодатно разделяет мир: “не мир принес Я на землю, но меч; ибо Я пришел разделить ...” (Мф. 10:34-35). Божественное разделение чудно; оно для всех нужно и живительно. Меч Истины рассекает даже человека, “до разделения души и духа, составов и мозгов” (большого разделения нельзя себе представить), отделяя все гнилое, отсекая “дикое мясо” (самостное, не связанное с личностью в вечности) от подлинного тела духовного личности человеческой. Этот процесс промыслительной хирургии проходит по всему миру, по всем социальным слоям и народам человечества. Но одновременно с этим “смешением языков” зла в отдельном человеке, так и во всем человечестве (в его эгоистической жизни), Благодать ткёт истинные ткани жизни в самих личностях и в живом теле их вечного соединения друг с другом в Духе Святом... Таков смысл всего процесса истории, после отпадения человека от Бога и от собственной подлинной жизни.

Несомненно любя и самих своих гонителей фарисеев, и саддукеев, как своих (еще не нашедших истины) братьев, апостол смело бросил, в гнилой пруд мнимого единства, камень Божьей правды, который должен был произвести (и сразу же произвел) волнение в этом прокисшем болоте человеческого национального и личного эгоизма.

“Сыны противления” действовали еще только интуитивно, неким сатанинским “нюхом зла,” сверхрационально обнаруживая (удивительный это факт!) благоухание Истины в Апостоле. Идеологически книжники синедриона иерусалимского не были сильны против Истины. Они, как и многие современные враги христианства, не вникали и не желали вникать в сущность Божьего учения о Свете и инстинктивно животно защищали свое маленькое, привычное, приспособленное ко тьме зрение, от ослепительно для них сияющего во тьме — и эту тьму судящего — Света.

Как дети, всегда переходящие с одного предмета на другой, или псы, оставляющие одну кость, чтоб заняться другой, брошенной им, эти слепые вожди слепых, тотчас же отвлеклись от самой темы своего суда над апостолом, и детски, животнo, возбудились друг против друга, в плоскости своих всегдашних несогласий.

Как на ладони, тут видна вся неосновательность, “дурная детскость” их критики и их преследований апостола. Новая сторона психологии “сынов века сего” открывается тут.

Апостол же, конечно, не только хотел произвести разделение в лагере своих духовно младенствующих противников, не только — отвлечь их внимание от себя, но и педагогически дать им, хотя бы некоторым из них, тот понятный им краешек истины, за который могла бы ухватиться их незрелая совесть... Апостол хотел в чем то найти их единомыслие с Истиной.

Мы видим, как постоянно во всем апостол ищет и хочет видеть элемент добра и начало правды. Благочестие язычников афинских он видит в жертвеннике “неведомому Богу;” правду фарисеев — в их вере в воскресение. Постоянное его желание найти общую почву со всяким человеком (даже самым враждебным Истине), — быть всегда “эллином с эллинами,” “иудеем с иудеями” — показывает глубину его самоотверженной любви к Истине и к человеку, независимо от того, обладает ли человек истиной, или отлучен от нее. Истина у апостола сочетается с истинным образом человека.

Глубину Божьей любви мы видим в делах и словах апостола, глубину любви его, умершей для “себя” и воскресшей в Боге. Лишь эта любовь имеет дар не мыслить зла и радоваться о Истине, даже о всех самых малых крупицах ее в человечестве.

Неблагодатные постники (23:13).

Чрез пост обостряется всякое духовное движение человека, — и доброе, и злое. Постом можно особенно себя приблизить к Богу и особенно отдалить себя от Бога. Пример неблагодатного поста и темного самоотвержения являют те “более сорока” (XXIII:13) иудеев, которые “заклялись” не есть и не пить, пока не убьют Павла (12). Желая острее поддержать в себе состояние злобы, они решились на такой пост. Во всяком случае они, эти иудеи, не были теплохладными, и если кто из них после обратился ко Христу, он, вероятно, стал горячим благовестником Истины.

Трагично в мире это возбуждение великих сил духа и энергий самоотвержения человеческого — на дела, не дающие вечной жизни человеку, но только ускоряющие его падение в бездну. Мир полон такого неблагодатного постничества, такой губительной жертвенности, усиливающей суетную, злую активность духа. Всё это подтверждает лишь святой закон поста, данного для просветления, умягчения и возвышения человеческого сознания.

Сын Сестры (23:17-18).

Этот неизвестный юноша стал промыслительно орудием избавления апостола Павла от нависшей над ним опасности. Узнав о заговоре против него, апостол не пренебрег мыслию обратиться к гражданским властям, При отвлеченной вере человек, может быть, решил бы ничего тут не делать, для своего лично телесного спасения, пассивно предавшись в волю Промысла. Но великий реалист духа, апостол Павел усмотрел, как мы имеем право предполагать, руку Промысла, именно в сообщении ему племянником известия о готовящемся на него нападении. И, как видим, принял все внешние меры, для предупре-

ждения этого нападения (ст. 17-18). “Сын сестры,” как ангел Господень, оказался в числе светлых стражей, охранявших драгоценную для всего мира жизнь апостола.

Правитель Феликс (23:33-35, 24:22-26).

Язычник, тысяченачальник Клавдий Лисий, был также в числе светлых сил, которым был поручен беззащитный, в оковах, апостол. Поверив, добрым своим сердцем, племяннику Павла, Лисий, под сильным конвоем, отправил апостола в Кесарию, при письме вполне благоприятного апостолу содержания. Не думал, конечно, Лисий, каково значение, для всего человечества, того, о ком благожелательно и снисходительно писал Феликсу. Какая тайна в том, что некие последние в мире должны после стать первыми, а первые последними. Несмотря на ясное об этом слово Откровения, ни “последние” не подозревают ожидающей их славы, ни “первые” не думают о возможном своем умалении пред этими “последними.”

Вскоре в Кесарии появились и ожидаемые там жалобщики на апостола, Анания и другие старейшины, приведшие, конечно, целый легион бесов с собою... Агнец Христов — Павел был под стражей в Иродовой претории. На первом рассмотрении дела ничего не было решено, но “через несколько дней Феликс, пришедши с Друзиллою женой своею иудеянкой, призвал Павла и слушал его о вере во Христа Иисуса. И так как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя. При том же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил: его: посему часто призывал его и беседовал с ним” (24-26).

Примечательно здесь сочетание некоего, несомненно религиозного, страха Феликса во время слов апостола о правде, воздержании и суде, с его явным желанием получить с апостола взятку. Этот тип религиозности человеческой не чужд и нашей эпохе; в делах, в жизни и психологии, — прочное служение своим эгоистическим интересам, а в глубине души, где-то “трещинка в вечность,” смутное, но уже святое беспокойство от соприкосновения с миром таинственным, с областью непостижимой, но, как-то реальной... “Может быть, реальной.” Непросветленная вера в иное могущественное бытие правды и суда, страх от начала осознания этого бытия и суда, и, в то же время, — холодная отдаленность разума, сердца и воли от Истины.

Ритор Тертул.

Тертул произносит обвинительную речь против апостола. Речь эта напоминает речи обычных наемников, говорящих не от сердца, а то что надо тем, которые наняли их. Это был ходатай по делам, адвокат, без коего не обходились государственно судебные дела и в апостольское время. Кратко, но обстоятельно выразил Тертул точку зрения первых преследователей христиан. Христианство им представлялось “назарейской ересью.” Представители христианства — “язвой общества.” Польстив Фесту и его государственной мудрости, апеллируя к нему, как к блюстителю мира, иудеи, чрез своего адвоката, приносят косвенную жалобу и на Клавдия Лисия, вырвавшего апостола Павла из рук их. Этим свидетельствуют они о несомненно благом намерении и поступке иерусалимского тысяченачальника, который стал, сам того не зная, архистратигом ангелом, в отношении апостола.

Укоризны некоторых людей почетны. Укоризны Тертула, если и бессильны прибавить славы великому апостолу, то, несомненно, возвышают Клавдия Лисия, показывают его справедливую душу.

Созерцаешь это странное судилище: безвестного, бесцветного Феста, сидящего “на судейском месте,” и кучку злых людей, желающих истребить сокровище всего человечества — апостола Павла, но связанных страхом государственной законности; воочию видишь всё “действие мира сего:” зло и добро рядом растут, цветут и плодоносят на поле этой жизни. И не сразу, а постепенно выявляются (для благоговейно созерцающих жизнь) пути Живого Промысла и спасения людей.

Божественно, без нарушения нравственной, человеческой свободы, соединяются на этих путях, личные судьбы каждого человека, неповторимого во веки; сочетаются с делом спасения всего человечества.

Если Иуда, как говорит Священное Писание, удавился, чтобы “пойти в место свое,” то ведь всякий человек ищет идти, и всегда идет только “в место свое,” во всех своих делах жизни.

Царь Агриппа (гл. 26).

“Агриппа сказал Павлу: позволяется тебе говорить за себя” (26:1). Тоже, как “Божий слуга” (Рим. 13), Агриппа, властью, свыше данной ему, открывает уста, которые насытно будут слушать, в веках, миллиарды людей и всех народов. “За себя” ли говорит Апостол? Конечно, не за себя, а за Господа. Мы видим, как это “за себя” говорит Апостол! Если бы все люди так говорили за себя. Мы слышим горячую, дышащую теплом и живыми интонациями, речь любящего Бога человека... И вдруг прерывает ее апостол вопросом к Агриппе: “Веришь ли царь Агриппа, пророкам?” И добавляет сейчас же: “знаю, что в е р и ш ь” ... добавляет потому, что — “любовь всему верит, всего надеется” (1 Кор. 13)... Явно, что Апостол уже любит Агриппу во Христе, и хочет перелить в него свою радость, свою веру и знание Истины.

Но Агриппа закован в свою высоту, в свой государственный престиж. “Ты не много не убеждаешь меня сделаться христианином,” — отвечает он Павлу. И ответное, последнее слово апостола пред судилищем, показывает, как за себя говорил апостол: “Моллил-бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все слушающие меня сегодня, сделались такими, как я,” и добавляет: “кроме сих уз.” “Все слушающие меня сегодня... — Сколько таких оказалось, услышавших слова апостола во всех народах земли... Неисчислимое множество людей в истории сделалось именно такими, как апостол, в вере Христовой. Исполнилась молитва его, говорившего слова свои — не за с е б я, а за Христа.

А царь Агриппа? Услышал ли он что-нибудь? Мы не знаем. Одно несомненно, что сердце его и жены его Вероники в какой-то степени было смягчено. Если не ожесточается сердце, от святых слов, значит оно смягчается. Слово Святое никогда не производит нейтрального действия.

“Отошедши в сторону говорили (царь, правитель и Вероника) между собою, что этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает.

И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить сего человека” (26:31-32).

Не было ли это слово Агриппы, в тот миг, на весах Божьих, равносильным исповеданием веры во Христа?

Сотник Августова полка, Юлий (гл. 27).

Юлий был хранителем и водителем апостола на пути в Рим. Тоже орудие Промысла Божьего, он пытался, как и многие души в мире, помешать Промыслу на своем жизненном пути. Послушавшись апостола, он не подверг бы опасности всех плывших тогда на

корабле. Но присутствие Павла спасло его и всех от потопления. Узник — опять — спас тюремщика. Ангел ночью, явившись апостолу, сказал, что “Бог даровал тебе всех плывущих с тобою.” Начальник стражи был второй раз свыше “дарован” апостолу.

Христианину “дарует” Бог всех людей, с ним встречающихся. Все, с кем мы проводим время, и, встречаемся, кто нам поручается и кому мы поручаемся, все они “даруются” нам Богом, для служения им и спасения их... “Ничего не имеем, но всем обладаем.”

Чем ближе к Богу человек, тем больше людей поручается, даруется ему. Апостолу дарован был весь Корабль, то есть все верующие Церкви... Не удивительно, что ему дарованы были и все плывшие с ним тогда на александрийском корабле 276 душ. Все они получили, по мере своей, “солинки” правды Божьей; и многие из них, может быть, оказались не только физически спасенными своею близостью к апостолу.

Человеколюбие сотника Юлия к Павлу (27:3) уже открывает мягченность его сердца в отношении апостола. Конечно, “кормчему и начальнику” малого корабля он еще доверял “более, нежели словам Павла” (ст. 11), знавшего тайны Небесного Кормчего жизни. Этого Кормчего Юлий не знал, и оттого много трудного пережил на своем пути.

Чрез сотника Юлия Рука Божия удержала взволнованных, во время крушения корабля, воинов от пролития крови, и апостола, и других узников. Час Божий еще не настал для них. Снова Юлий, “желавший спасти Павла,” является его ангелом, помощником того Ангела Божьего (ст. 24), который ночью явился Павлу и сказал ему: “не бойся, Павел; тебе должно предстать пред Кесаря.”

Жители острова (гл. 28).

Мало интересно изыскивать, к какому племени принадлежали жители острова Мелита (Мальты), когда кораблекрушение выбросило на этот остров ап. Павла и его спутников. Достойна примечания религиозность жителей этого острова. Она проявляется двояко: во-первых, эти “иноплеменники” (28:2) “оказали немалое человеколюбие,” по свидетельству Луки. “Они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас, всех путников, выброшенных на их берег.”

У костра, во время происшествия с ядовитой змеей (ст. 36), выявилась другая сторона религиозности этих язычников. Увидав “висящую на руке” ап. Павла змею, они говорили друг другу: “верно этот человек убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить...” Какое ясное понятие о законе Божьего Правосудия. В своей детской вере в близость и реальность суда Божьего над человеком, во всех обстоятельствах его земной жизни, эти примитивные люди ближе к Богу, чем многие последователи современного отвлеченного христианства, отдаляющего силу Божию от земли на небо, оставляющего земле только законы природы или одинокую самость человека.

Публий (28:7-10).

Начальник острова Мальты принял потерпевших аварию “и три дня дружелюбно угощал,” не подозревая, конечно, кто находится в числе безвестных и наименее почетных путешественников. Но некая часть апостольской силы приоткрылась ему вскоре, в исцелении его отца, страдавшего горячкой и болью в животе. “Павел вошел к нему, помолился, и, возложив на него руки свои, исцелил его.” Как просто это исцеление: “пришел, увидел, победил,” — величие простоты Юлия Цезаря. “Пришел, увидел, исцелил,” и — никаких по этому поводу не сказал слов или фраз; сделал это “по пути,” смешавшись потом с толпою и, может быть, позабыв сделанное. Таков характер и стиль людей Нового мира, Ново-

го Завета с Богом. Люди острова использовали, конечно, время пребывания у них этого страшного преступника и чудотворца, охраняемого от людей, заслоняемого от них стражей, но целящего их болезни и немощи. Все, имевшие болезни на острове и пришедшие к апостолу, исцелились за эти месяцы. Благодарность за это была оказана апостолу, и “почестями” и “нужным.” Несомненно, в этом приношении принимал участие и благодарный душою Публий. Исцеления эти свершались апостолом не только вещественно бескорыстно, но и духовно бескорыстно. За благодать телесного исцеления апостол не требовал даже христианства от исцеленных. Он исцелял, независимо от своего благовествования, силой только одной сострадательной любви. И эта сила нечеловеческой истины, Божественной жизни так влекла людей, чрез Апостола, ко Христу. Сияющее “на злых и на добрых” солнце не могло не быть истинным солнцем.

Путеолские братья (28:13-14).

О них известно только то, что они упросили апостолов Павла и Луку — Самого Господа, бывшего в апостолах — пробыть у них семь дней. (28:13-14). Эти путеолские братья прямо противоположны людям гадаринским, которые просили (Мф. 8:34) Господа отойти от их пределов.

Там и тут воля Божья становилась послушной воле человеческой. Господь любит волю человеческую, любит ее свободу, и исполняет то, что она хочет. Оттого и небо жизни, и бездна смерти, — так одинаково доступны человеческим сердцам.

Стерегающий воин (28:16, 31-32).

“В Риме Павлу было позволено жить особо с воином, стерегущим его.” Кем позволено? Какими-то безвестными чиновниками римских юридических инстанций, о которых в исторической памяти ничего не сохранилось. Чрез них прошла воля Божия о Павле и о Риме. “И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходящих к нему, проповедуя царство Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно,”. Сколько этот воин “стерегающий” должен был слышать благодатных, Духом движимых слов! Этот воин — избранник Промысла. Может быть, никто в мире более его не напивался благовествованием апостольским.

Что случилось с этим воином? Как его человеческая воля ответила на все эти потоки благодати, лившиеся на него день и ночь из уст первоверховного апостола? Стал ли он сыном и благо вестником Истины? Или небесная мудрость, несущая миру вечную жизнь, скользила по нем, не касаясь его существа. Какова была его душевная жизнь эти два года непрерывного пребывания с апостолом? Это сокрыто от нас. Но он не мешал апостолу. Апостол мог “невозбранно” проповедовать слово о Христе Господе. Этот воин, вероятно, сделался при нем почти домашним человеком. И, конечно, служил верной защитой апостола от новых посягательств на его жизнь со стороны каких-либо врагов истинной “надежды Израилевой.” С основательностью можно это утверждать. Не римские власти, конечно, но небесные силы приставили этого воина одиночку к апостолу мира, чтобы, после многих путешествий, пребывал теперь апостол на одном месте. Этот жалкий человеческий надзор, эта бессмысленная подсудность человеческим судам, помогли апостолу пребыть в Рим, задержаться в нем и утвердить Римскую церковь.

В сущности, апостол Павел в узах явился и первым архиереем Рима, исторически дающим образ истинного пастырствования, основанного не на внешнем престиже или государственном авторитете, но на правде Христовой и ее кротких страданиях в мире.

113